

Селянинова Г.Д. «Дело антисоветской организации ишанизма» 1948 года в культурной памяти мусульманского сообщества Пермского края // *Технологос*. – 2019. – № 3. – С. 84–100. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.07

Selyaninova G.D. "The Case of the Ishanism Anti-Soviet Organization" of 1948 in the Cultural Memory of Perm Krai Muslim Communit. *Technologos*, 2019, no.3, pp. 84-100. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.07

DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.07

УДК 141.336(470.53)"194/195"

«ДЕЛО АНТИСОВЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИШАНИЗМА» 1948 ГОДА В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ МУСУЛЬМАНСКОГО СООБЩЕСТВА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Г.Д. Селянинова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 20 апреля 2019 г.
Принята: 15 сентября 2019 г.
Опубликована: 04 октября 2019 г.

Ключевые слова:

суфизм, мусульманское общество (умма), ишанизм, ишан, мюрид, культурная память, Урал, Молотовская область, репрессии.

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы исследования определяется тенденцией к возрождению духовности на основе традиционных для мусульманского сообщества устоев, базировавшихся в том числе на суфийских идеях и практиках.

Целью исследования является анализ культурной памяти (или постпамяти) мусульман Пермского края в отношении «Дела антисоветской организации ишанизма» 1948 года. По данному делу, инспирированному в рамках идеологических кампаний послевоенного периода, связанных с усилением репрессивной политики Советского государства, в южных районах Молотовской области (Пермский край в 1940–1957 годы) были арестованы мусульмане – последователи ишанизма.

Для проведения исследования были использованы устные исторические источники. Инструментом выявления содержания культурной памяти мусульманского сообщества стали устные исторические интервью.

Записанные в 2011–2018 годах устные рассказы позволяют увидеть некоторые механизмы влияния на общество трагедии репрессий. Создание новой идентичности «строителя коммунизма» – атеиста привело к потере прежних ориентиров духовности и уклада повседневной жизни, в результате чего древнейшая мистическая традиция мусульман Пермского края практически пресеклась в результате репрессий 1948 года.

Однако аресты 1948 года, хотя и подорвали религиозные устои населения, но не искоренили полностью воспоминаний об ишанизме и наиболее влиятельных его деятелях. Об этом свидетельствует сохранение на протяжении нескольких десятков лет памяти о событиях, связанных с искоренением традиционных духовных ценностей, о предках, их разделявших. Имеются отдельные упоминания членов семей о принадлежности к ишанизму их предков.

© ПНИПУ

© **Селянинова Гульсина Дагирьяновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9928-7333>, e-mail: gsina@mail.ru.

© **Gulsina D. Selyaninova** – PhD, Associate Professor, Department of Public Administration and History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9928-7333>, e-mail: gsina@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

“THE CASE OF THE ISHANISM ANTI-SOVIET ORGANIZATION” OF 1948 IN THE CULTURAL MEMORY OF PERM KRAI MUSLIM COMMUNITY

Gulsina D. Selyaninova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 20 April 2019
Accepted: 15 September 2019
Published: 04 October 2019

Keywords:

sufism, muslim community (umma),
ishanism, ishan, murid, cultural
memory, oral history, Ural,
Molotovskaya oblast.

ABSTRACT

The relevance of the research topic is determined by the interest to the revival of spirituality of Muslim community on the basis of traditional foundations, based on Sufi ideas and practices.

The purpose of the article is to analyze the cultural memory (or postmemory) of Muslim community of Perm region in relation to the case of "the anti-Soviet organization of ishanism" 1948. This case was inspired in the framework of the ideological campaigns of postwar period, and followers of traditions of ishanism were arrested in the southern regions of Perm Krai. Oral historical sources were used for the research. Oral interviews were a tool for exploration of the contents of the cultural memory of the Muslim community.

Oral interviews, that were recorded in 2011-2018, allow us to see some mechanisms of influence on society of the tragedy of repression. The creation of a new soviet atheistic identity led to the loss of the previous orientations of spirituality and the way of everyday life. The ancient mystical tradition of Muslims of Perm region disappeared because of 1948 repressions.

The arrests of 1948 undermined the religious foundations of the population, but they did not completely eradicate ideas about ishanism and most influential figures. For several decades was kept the memory about events of 1948. It connects with the traditional system of values of the ancestors who shared it. There are separate mentions of family members about belonging to the ishanism of their ancestors.

© PNRPU

Актуальность темы исследования определяется тенденцией к возрождению духовности на основе традиционных для мусульманского сообщества устоев, базировавшихся в том числе на суфийских идеях и практиках.

Целью исследования является анализ постпамяти (или культурной памяти) мусульман Пермского края в отношении «Дела антисоветской организации ишанизма» 1948 года. По данному делу, инспирированному в рамках идеологических кампаний послевоенного периода, связанных с усилением репрессивной политики Советского государства, в южных районах Молотовской области (Пермский край в 1940–1957 гг.) были арестованы мусульмане – последователи ишанизма.

Обвинительное заключение по данному делу находится в открытом доступе благодаря публикации сборника документов и материалов [1, с. 410–412]. Здесь названы имена 11 арестованных по данному делу: Мукминов Мансур (1883 г.р.), Зайнуллин Садык (1881 г.р.), Казыханов Гадылша (1887 г.р.), Явгаров Мерсае (1883 г.р.), Казыханов Ахматнур (1891 г.р.), Тавыев Салахи (1886 г.р.), Закиров Шакир (1883 г.р.), Тляшев Шарифулла (1887 г.р.), Илькаев Фазлышан (1880 г.р.), Баязитов Габдулхай (1892 г.р.), Сагатдинов Габдулзян (1890 г.р.) [1, с. 411–412]. В отдельное производство было выделено дело Абубакирова Закира (1883 г.р.) из-за его нездоровья.

Ишанизм – разновидность суфизма (мистическое течение в исламе), широко распространенного на Урале и в Поволжье в дореволюционный период и сохранявшегося до середины XX века. К ишанизму была причастна незначительная часть мусульманской уммы в южных районах Пермского края, сохраняя до момента арестов 1948 года исконные традиции. И хотя адептами ишанизма было небольшое число наиболее образованных мусульман, в целом он имел большое влияние среди населения вплоть до конца 1940-х годов.

В наши дни о сущности этого учения большая часть татар и башкир не знает. Представления об ишанизме стерты в памяти большинства рядовых мусульман. Об ишанах и мюридах помнят лишь некоторые их потомки.

По мнению А.В. Сызранова, «суфизм в России – неотъемлемая часть российской истории, российской культуры» [2, с. 161]. А.Т. Сибгатуллина считает, что ишанизм «имел распространение преимущественно в деревнях и селах, поэтому его можно назвать еще «деревенским суфизмом»» [3, с. 144–145]. Среди серьезных исследователей ишанизма как духовной традиции ислама следует назвать А.Б. Юнусову и Ю.Н. Гусеву [4, 5].

Ишанизм, безусловно, опирается на мусульманские религиозные воззрения, что противоречило атеистическим установкам Советского государства и предопределило усиление репрессивной политики власти по отношению к верующим в послевоенный период.

Исследованию ишанизма в Пермском крае было посвящено несколько статей автора. На основе архивных источников было проанализировано следственное «Дело антисоветской организации ишанизма» 1948 года, которое хранится в Пермском государственном архиве социально-политической истории [6]. С привлечением устных исторических источников, записанных на территории Пермского края, были выявлены связи пермских мюридов с одним из наиболее известных ишанов Урала – Зайнуллой Расулевым (1833–1917) [7]. Кроме того, была проанализирована литература, хранившаяся в домашних библиотеках пермских последователей ишанизма и изъятая следственными органами в момент арестов адептов суфизма [8].

Следственные документы по данному делу, сохранившиеся в архиве [9], могли быть сфабрикованы работниками органов безопасности, и для того чтобы исключить эту возможность, было важно найти очевидцев событий 1948 года, которые могли бы подтвердить действительную принадлежность арестованных к числу последователей ишанизма.

Следственное «Дело антисоветской организации ишанизма» продемонстрировало столкновение двух противостоящих друг другу систем ценностей: государственная коммунистическая система с представлениями о необходимости атеизма стремилась ликвидировать адептов религиозного учения, основанного на обращении к Богу. Выбор воззрений индивидом был вне компетенции государственных органов, но они могли физически изолировать тех из них, кто имел «неправильные взгляды», идущие вразрез с официальной пропагандой. Это был метод трансляции одобряемой идентичности атеиста – строителя коммунизма и предписываемых ему ценностей. Безусловно, это противостояние можно рассматривать как проявление социокультурной травмы, связанной со становлением коммунистической идеологии.

А. Ассман использует понятие конверсии, которое предполагает смену идентичности и системы ценностей при изменившихся внешних обстоятельствах или контексте жизни общества в целом [10, с. 89]. Такого рода конверсия идентичности началась сразу после прихода большевиков к власти.

Так, например, традиционная идентичность, связанная с принадлежностью к той или иной религиозной конфессии, заменялась в процессе советской социализации населения страны вступлением в коммунистическую партию, а для молодежи – в комсомол, пионерскую организацию. Кроме того, в результате воздействия официальной пропаганды в образовательных учреждениях молодежь по сути дела уже переставала ориентироваться на религиозные ценности и традиции.

Мусульмане, которые были обвинены в 1948 году, несомненно, были набожны, стремились сохранить мусульманские религиозные традиции, но... были ли они последователями суфийского мистического учения? Или все это была успешная мистификация следователей

МГБ? Ведь чем более значимое дело врагов советской власти они раскрывали, тем выше продвигались по служебной лестнице. А режим Сталина требовал от них все новых и новых разоблачений. А где их взять в 1948 году? Закончилась совсем недавно война, враг побежден, а жизнь не стала легче. Объявив, что есть еще враги, режим перекладывал на них ответственность за переживаемые трудности и оставался неизменным вопреки настроениям советского общества, ожидавшего его смягчения.

На вопрос: Правда ли это? – трудно получить ответ, только перечитывая протоколы допросов обвиняемых в причастности к «сектантской группе ишанизма». В деле есть бумаги, изъятые у арестованных и свидетельствующие о распространении ишанизма до революции: завещание Зайнуллы Расулева, целительские книги, по которым осуществляли свою практическую деятельность ишаны и мюриды. Но может быть, это просто бережно сохраняемые реликвии, не имеющие ни малейшего отношения к 1948 году?

С другой стороны, многие историки полагают, что традиции ишанизма должны были сохраняться на Урале и в Поволжье. Например, американский историк Хамид Альгар считает невероятной мысль, что пятивековая традиция суфизма могла исчезнуть в Волго-Уральском регионе в течение каких-нибудь 70 лет, как бы ни были сильны репрессии [11].

Для проведения исследования автор обратилась к устной истории. Инструментом выявления содержания культурной памяти мусульманского сообщества стали устные исторические интервью. Для получения сведений о судьбах пермских суфиев и изучения влияния социокультурной травмы репрессий 1948 года на мусульманское сообщество устные интервью были записаны в южных районах современного Пермского края, там, где были тогда произведены аресты. Интервью были взяты у членов семей арестованных и старожилов в Бардымском, Октябрьском, Ординском и Кунгурском районах Пермского края в 2011–2018 годах. В результате этих поездок удалось узнать о судьбе каждого из арестованных и обвиненных по делу ишанизма в 1948 году. Устные интервью в современной историографии рассматриваются в качестве исторических источников, дающих возможность реконструировать не только ход исторических событий и личный опыт их участников, но и общие представления и противоречия эпохи.

Кроме того, устные исторические источники важны для анализа культурной памяти – или «постпамяти», то есть знаний о прошлом ныне живущих поколений, не принимавших непосредственного участия в отдаленных по времени событиях. Понятие «постпамять» ввела в научный оборот М. Хирш. По ее мнению, этот «механизм передачи травматического знания и материализованного опыта... между и внутри поколений затрагивает постконфликтную психологию и социальное взаимодействие» [12]. Она полагает также, «что память состоит из ряда наслоений; на личную память наслаивается память других людей, культурная память, литературные образы и т.д.» [13, с. 18]. Что касается культурной памяти, она «затрагивает трагические и насильственные события... в истории различных наций», которые осмысливались в ходе их взаимных отношений, ...переосмысливались в двадцать первом веке...» [13, с. 19].

И здесь на помощь могла прийти только память о прошлом очевидцев событий и потомков арестованных. О дальнейших судьбах этих людей можно было узнать лишь на основе устных исторических интервью. Кроме того, устные источники помогают обществу признать этих людей невинно осужденными, являются определенным шагом на пути восстановления исторической справедливости, предоставляют возможность участникам (или хотя бы свидете-

лям) трагических событий прошлого высказаться, выйдя из забвения. Сама запись устных воспоминаний о событиях стимулирует общественный интерес к истории.

Еще во время войны стало известно о либеральном повороте государства к религиозным организациям и в целом к религиозности населения, помогавшей переживать горькую травму войны, связанную с различными тяготами, и прежде всего потерей близких на фронте. В 1943–1944 годах начали вновь открывать закрытые ранее церкви и мечети. Зная об этом, мусульмане деревни Маринкино уже после войны, в 1946–1947 годах, создали религиозное общество для чтения молитв и, как мы можем предположить, выполнения суфийских практик.

Об этом рассказали наши современники, которые помнят о тех событиях благодаря рассказам людей старших поколений. В этом обществе участвовали: Галиакбаров Хаюм (вернулся с войны с орденами, воевал в Сталинграде, Будапеште), Казыханов Гадылша, Зайнуллин Садык из деревни Баташи, Ибрагимов Хусаин (деревенский учитель из Карьёво), Явгаров Мирсает из деревни Баташи, но жил он в деревне Бажуки. Еще среди них был молодой человек из соседней деревни Карьёво – 17-летний Валиев Миннежан. Молитвенные собрания часто проходили в доме Ибрагимова Хусаина.

О стремлении переживших войну мусульман объединиться в религиозное общество в деревне Маринкино Ординского района Пермского края рассказали жители деревни, отметив имена арестованных в 1948 году и обвиненных в участии в организации ишанизма: Казыханова Ахматнура, Казыханова Гадылши и Тавыева Салахи (Интервью с Гариповым М.С. 1953 г.р. Записано в деревне Маринкино Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Кто-то из участников этих молитвенных собраний вернулся с фронтов Великой Отечественной войны, кто-то работал в тылу из-за непризывного возраста. Опыт молитвенных встреч у них был еще в 1930-е годы (Интервью с Гариповым М. С., 1953 г.р. Записано в деревне Маринкино Ординского района Пермского края 07. 01.2014 / Личный архив автора). А после войны они решили вновь открыть мечеть, которая была построена еще в 1870-е годы, а при мечети было медресе, в этом медресе до революции можно было получить религиозное образование и стать муллой. В деревне Маринкино, таким образом, еще до 1917 года сложились культурно-религиозные мусульманские традиции, поддерживавшиеся Оренбургским мусульманским управлением, назначавшим в медресе преподавателей, а учениками были приезжавшие сибирские, вятские, удмуртские татары и учащиеся из южных районов нынешнего Пермского края¹.

Что же касается событий, связанных с арестами 1948 года, их удалось реконструировать на основе устных интервью: «В 1948 году приехал в деревню набожный человек, который интересовался теми, кто мог читать молитвы. Его направили к учителю Ибрагимову Хусаину. Его жена услышала, что рюкзак приезжего с грохотом упал, и обнаружила в нем револьвер, а когда его отправили в баню и проверили его вещи, то увидели, что в рюкзаке помимо револьвера еще есть красная книжечка. Появилось подозрение, что он был представителем властей, провокатором. Когда незнакомец вышел из бани, то попросил почитать молитвы. Ибра-

¹ Медресе при мечети было построено еще в 1912 году, там преподавали латынь, арабский, закрыли его в 1925 году, а саму мечеть – в 1928 году. Мечеть разобрали и перевезли в соседнюю деревню Карьёво. Там до сих пор в этом здании детский сад. А мулла, который не был местным, его прислали из Кояново, уехал из деревни после этого со своей семьей ночью, тайно на «Уралмашзавод» в Свердловск, поскольку кто-то сообщил, что арестовывать будут семью. Подготовив документы через одного из односельчан, они скрылись по дороге на железнодорожную станцию Чад, поскольку через Кунгур ехать было опасно.

В 1937 году арестовали шестерых мусульманских активистов, четверых расстреляли, а двое сами умерли в тюрьме, среди них – Магасум Каюмов, Ваисов Таиб, Ваисов Фатых (ненавидел колхоз, был единоличник).

гимов Хусаин отказался, сказав, что он учитель, и может только учить детей. Приезжий пошел к Зайнуллину Садыку. Отправили предупредить к Казыханову Гадылше, но тот не поверил в то, что это не набожный мусульманин, потому что он хорошо читал молитвы на молитвенном собрании. Ибрагимов Хусаин на встречу не пришел. Незнакомец пробыл в деревне Маринкино неделю и уехал. А через месяц начались аресты. Арестовали тех, кто молился с приезжим (Интервью с Гариповым М. С., 1953 г.р. Записано в деревне Маринкино Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Эту историю чуть по-другому рассказывают в деревне Бырма: «Татарин приходил, во многих деревнях побывал, как-то ночевал в деревне Красный Берег у Казыханова Ахматура и уронил наган нечаянно, бабушка увидела и говорит: „У него „корни” есть”, – имея в виду наган, не сказала, что наган выпал» (Интервью с Габдулхаевым Ш., 1947 г.р. Записано в деревне Бырма Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

Директор местного музея в деревне Усть-Турка отметила, что помнит об арестах 1948 года: «Когда я была маленькой, я помню встречи верующих в домах, говорили они тихонько между собой, обсуждали какие-то проблемы, потом в их организацию вошел провокатор из Казаево, татарин. Я его представляю: он был такой коренастый, рябое лицо, в тюбетейке ходил, и вот, когда они собирались <...>, он послушал все высказывания и после этой встречи притворился, что он мулла, он действительно был образованный человек и после него начались аресты» (Интервью с Минсадыровой Г. Ш., 1938 г.р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Другой очевидец из деревни Усть-Турка также вспоминает: «А донесли на них, что они муллы, тайные милиционеры ходили, из Казаево приходили, можно сказать, кагэбэшники» (Интервью с Мугалимовой З., 1918 г. р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Минажетдинов Нигматжан тоже был среди арестованных в 1948 году по делу ишанизма в Усть-Турке – дедушка Минсадыровой Гадили Шарыповны, но он быстро вернулся, сразу после допросов, не получил срока тюремного заключения (Интервью с Минсадыровой Г.Ш., 1938 г.р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). Галиакбарова Хаюма не арестовали – он тоже был в этом обществе, но во время этих событий и арестов куда-то уехал, не пошел на собрание, куда приходил провокатор. Ибрагимов Хусаин также не попал в число арестованных вследствие своего благонамеренного поведения после обнаружения револьвера у заезжего гостя; он продолжал работать учителем, развел большой фруктовый сад (Интервью с Мустафиным Р., 1952 г.р. Записано в деревне Бажуки Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора). 17-летний участник религиозных собраний Валиев Миннежан также был арестован, но отпущен через три дня, затем односельчане отправили его на время дальнейших арестов на лесоповал на Вильву. Интервью с ним удалось записать в деревне Карьево Ординского района Пермского края. Он рассказал, что помнит Казыханова Гадылшу, Зайнуллина Садыка, Явгарова Мирсаета, Ибрагимова Хусаина, помнит, что арестовали их за молитвы и за то, что «они говорили, что когда советская власть кончится, будем хорошо жить, за эти слова, они советскую власть не любили» (Интервью с Валиевым М., 1931 г.р. Записано в деревне Карьево Ординского района Пермского края 07.01.2014/ Личный архив автора).

Из заключения в родные места не вернулось пятеро арестованных: Фазлышан Ильяев, Абубакиров Закир, Мукминов Мансур, Явгаров Мирсает и Закиров Шакир.

Фазлышан Ильяев [9]

Личный архив автора). После ареста Фазлышан Ильяев так и не вернулся больше в деревню. Что с ним стало, никто не знает.

Арестованные в 1948 году по делу ишанизма бардымцы Абубакиров Закир и Мукминов Мансур родились в деревне 2-й Краснояр Бардымского района Пермского края. Память жителей сохранила их образы, несмотря на близость Бардымского НКВД, отличившегося особой жестокостью еще в 1930-е годы. Жители района до сих пор помнят инспирированное органами «Бардымское дело» 1937 года, в результате которого было арестовано 28 и расстреляно 26 человек, в их числе были и мусульманские священнослужители, а возможно, и мюриды...

Мукминов Мансур [9]

В деревне Аклуши (Акльш) Бардымского района Пермского края судьба арестованного в 1948 году Фазлышана Ильяева запечатлелась в памяти односельчан, которые помнят об аресте Фазлыша Ильяева в результате провокации одного из бардымских представителей властей. Провокатор прикинулся богомольным и набожным человеком, который хочет приобщиться к вере, и когда убедился в религиозности Фазлышана, арестовал его (Интервью с Сармановой Р., 1952 г.р. Записано в деревне Аклуши Бардымского района Пермского края 25.01.2012 /

Жители деревни на вопрос, что они помнят о Мукминове Мансуре, отвечают, что в деревне Сюзянь Бардымского района был Мансур-мулла, который после того, как арестовали и расстреляли Балтаева Касима в 1937 году, неофициально выполнял функции муллы, поскольку официально мечеть там была закрыта властями (Интервью с Ахмаровым К.Г., 1937 г.р. Записано в деревне Аклуши Бардымского района Пермского края 10.12.2016 / Личный архив автора). Из уст в уста передавались рассказы о том, что Мукминов Мансур был приглашен по ложному вызову в деревню Султанай, где якобы кто-то нуждался в его целительстве, и шел пешком по дороге, где

его уже ожидали посланные для его ареста сотрудники органов безопасности. В памяти сохранились рассказы о том, что в момент ареста Мукминову Мансуре накинута мешок на голову и увезли на телеге в неизвестном направлении (Интервью с Ахмаровым К.Г., 1937 г.р. Записано в деревне Аклуши Бардымского района Пермского края 10.12.2016 / Личный архив автора). Поскольку в 1948 году ему было уже 65 лет, он не вынес тягот ГУЛАГа и умер в заключении (Интервью с Кучумовым С.Б., 1950 г.р. Записано 10.12.2016 в деревне 2-й Краснояр Бардымского района Пермского края / Личный архив автора). От него приходили письма родственникам из Хабаровска, Казани, а потом с острова Сахалин он написал своим близким, что в случае смерти он, скорее всего, будет не похоронен, а скормлен рыбам. После 1955 году писем от него не было. Но память односельчан сохранила формулу «Мансур-мулла».

Абубакиров Закир после ареста в 1948 году в свою родную деревню не вернулся, и никто не знает о его дальнейшей судьбе. Единственный его сын Абубакиров Нажип умер еще в 1990-е, а внук Хабибулла (1952–1954 г.р.) жил и умер в Перми (Интервью с Кучумовым С.Б., 1950 г.р. Записано в деревне 2-й Краснояр Бардымского района Пермского края 10.12.2016 / Личный архив автора).

Про Явгарова Мирсаета (родился в деревне Баташи, но жил в деревне Бажуки Кунгурского района) также удалось узнать, что он не вернулся после ареста, умер в заключении (Интервью с Мугалимовой З., 1918 г.р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). Его внук знает по рассказам своего отца, что дед был арестован, и подтверждает факт его смерти в заключении (Интервью с Мирсаитовым М., 1957 г.р. Записано в деревне Баташи Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Явгаров Мирсает [9]

Про арестованного Закирова Шакира удалось узнать в деревне Красный Берег Кунгурского района. Внучка Закирова Шакира Минсадырова (Рахимова) Расима 1952 г.р. рассказала, что он был отцом ее мамы – Рахимовой Гуазиры. В семье известно, что Закиров Шакир в заключении был в Казахстане, там и умер. «Арестован был за то, что был муллой. Последнее письмо от деда было из Казахстана, долго мама письмо хранила, мама умерла в 2000 году. Деда забрали в 48 году» (Интервью с Минсадыровой (Рахимовой) Р., 1952 г.р. Записано в деревне Красный Берег Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

О Закирове Шакире помнят также и в деревне Липовка Кунгурского района: «Про Шакир-бабая я мало знаю, они жили с Майкач-аби. Он муллой не был, когда арестовывали стариков, его тоже арестовали, он сидел в Кустанае, пас овец. Он умер в Кустанае, его никто оттуда не привез» (Интервью с Губайдуллиной Г., 1937 г.р. Записано в деревне Липовка Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

Претензия государства и коммунистической партии «стать суррогатной семьей», по выражению Н. Адлер, вытеснив не только традиционные религиозные ценности, но и семейные, приводила к тому, что семейные связи очень часто не выдерживали силового давления [14, с. 67].

Тляшев Шарифулла, которому следователи в данном деле отвели роль ишана, вернулся после ареста в свою родную деревню Бичурино Бардымского района. Арестован он был, по рассказам очевидцев, как и многие обвиненные по данному делу, с участием провокатора, якобы желающего встать на путь мусульманской веры (Интервью с Тляшевой Б., 1925 г.р. Записано в деревне Бичурино Бардымского района Пермского края 25.01.2012 / Личный архив автора). Ишаном был Мирхайдар

Тляшев Шарифулла [9]

Тляшев, умерший за несколько лет до послевоенных арестов (Интервью с Тляшевой Б., 1925 г.р. Записано в деревне Бичурино Бардымского района Пермского края 25.01.2012 / Личный архив автора). Как удалось выяснить имаму-хатыбу Бардымского района Пермского края Марату-хазрату Музафарову, умер Шарифулла Тляшев в 1965 году.

Сагатдинов Габдулзян [9]

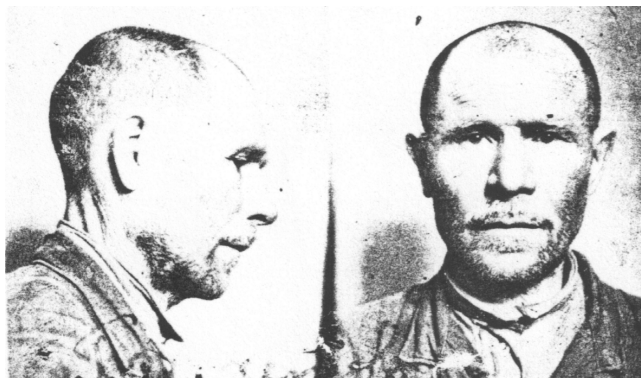

Сагатдинов Габдулзян с семьей
после возвращения из ГУЛАГа

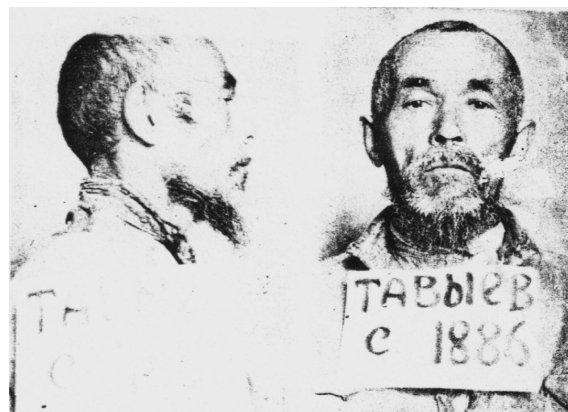
В деревне Малый Ашап Ординского района Пермского края удалось узнать о судьбе одного из арестованных в 1948 году, Сагатдинова Габдулзяна. Он был освобожден, последние годы жизни провел в Кунгуре, похоронен в Малом Ашапе (Интервью с Габдулхаевым Ш., 1947 г.р. Записано в деревне Бырма Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора; Интервью с Муллаяровым А.Х. 1933 г.р. Записано в дер. Малый Ашап Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). Его интерес к религиозным вопросам был не случаен, поскольку его отец Сагатдин был муллой и очень строго соблюдал религиозные традиции (Интервью с Васильевым Н.Г., 1940 г.р. Записано в дер. Малый Ашап Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). Религиозное образование он получил в медресе села Танып Бардымского района у ишана Мухамадгаты Мансурова. Его брат Сагатдинов Нияз был сельским муллой. Что касается периода заключения, то, по рассказам его племянника – сельского муллы, сначала он был в Сибири, где были жестокие морозы, а потом его перевели в Таджикистан или Узбекистан. Из-за резкой перемены климата очень многие священнослужители умерли, а сам Сагатдинов Габдулзян выжил только благодаря тому, что устроился пасти овец у кого-то в горах (Интервью с Васильевым Н.Г., 1940 г.р. Записано в деревне Малый Ашап Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). Примерно в 1953–1954 годах родственники получили от него письмо и отправили в ответ характеристику за подписью председателя сельсовета, написавшего ее после обильного угощения. Вскоре Сагатдинов Габдулзян вернулся. Умер в 1960-е годы, по воспоминаниям односельчан. Рассказывая о времени заключения своему племяннику в 1967 году, он не мог сдерживать слез, вспоминая пережитые страдания (Интервью с Васильевым Н.Г., 1940 г.р. Записано в деревне Малый Ашап Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). После заключения он жил в г. Кунгуре, был всегда открыт и гостеприимен и продолжал молиться.

Об арестованном Баязитове Габдулхае рассказали, что он был муллой, у него было много детей, родственники – в Кунгуре, и в Усть-Турке (Интервью с Минсадыровой Г.Ш., 1938 г.р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный ар-

хив автора). Его родственники отметили, что он «хороший был человек, работал муллой, после учебы работал муллой» (Интервью с Мугалимовой З., 1918 г. р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). Из заключения после ареста 1948 года Габдулхай-мулла вернулся где-то в 1953 году и работал на сплаве (Интервью с Мугалимовой З., 1918 г. р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Баязитов Габдулхай [9]

Тавыев Салахи [9]

Об аресте своего отца помнит дочь Тавыева Салахи, рассказавшая о том, что ее отец в 1948 году был арестован по неизвестной для нее причине, еще раньше его отец (ее дед) Тавый тоже был арестован и погиб в заключении. Тавыев Салахи был колхозником в 1940-е, а родился в 1886 году. Все годы войны работал в колхозе конюхом, летом – на жатке, в кузнице, лошадей подковывал, телеги ремонтировал. «Он не был муллой, но по-арабски читал. Учился в Маринкино, там мечеть была, там и учили их. Родня-то там у него... Отец дома только читал, но раньше так делали, по праздникам Курбан-байрам или Ураза собирались вместе и читали молитвы... Отец никуда не ходил, к нам приезжали, читали молитвы, потом уезжали. Старики из деревни в наш дом приходили, читали намаз и уходили. В мае 1948 года его забрали, и вернулся в мае 1954 года» (Интервью с Габдулзямовой М.С., 1928 г. р. Записано в деревне Красный Берег Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

Запечатлелся в памяти и сам момент ареста: «Казыханова Ахматнур с папой вместе увезли. Казыханов Ахматнур жил в Красном Береге, здесь. Их вместе арестовали. Они были простые работники, колхозники, не муллы. Как отца арестовывали, я, конечно, видела. В марте месяце был обыск, весь дом перерыли, сундуки, вещи из сундука вытряхивали, что искали, не знаю. Милиционер в Бырме участковым работал, Ахматнур-бабая обыскали, Закирова Шакира из Липовки. Присутствовал <...>, он бригадиром работал с отцом. Обыск был в марте, а в мае уже их арестовали. Приехали, из дома его вывели, взяли лошадей в конном дворе и каждого везли отдельно в повозке с охраной. Я рыдала дома и больше ничего не видела...» (Интервью с Габдулзямовой М.С., 1928 г.р. Записано в деревне Красный Берег Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

Когда Тавыев Салахи вернулся из заключения, он мало рассказывал об этом печальном периоде своей жизни. «Не помню, где они сидели, помню только, что он говорил, что за 6 лет только один день был на работе, вывозили на базу перебирать картофель. Там вместе с ним сидели ишаны. Где-то недалеко отсюда... Шакир-бабая вот увезли в Казахстан, он там ослеп и умер. Ахматнур-абзый был вместе с отцом, вот они где-то вместе были... А после тюрьмы не

работал, он был уже старый. Сам только он оттуда больным приехал, с пороком сердца вернулся, отекал и воздуха не хватало, прожил около 5 лет после тюрьмы. Умер в Новый год, с 58-го на 59-й. Мама тоже по-арабски умела читать, но не ходила никуда, мама умерла в 1976 году, а родилась в 1888 году в деревне Чишмары. Книги, Коран спрятали в 1948 году под полом в сарае, вода не попала, но книги сами по себе сгнили, в закрытом ящике лежали» (Интервью с Габдулзямовой М.С., 1928 г.р. Записано в деревне Красный Берег Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

После арестов 1948 года само хранение священных мусульманских книг рассматривалось как большая опасность, поэтому многие респонденты Коран и другие священные книги прятали, зарывали в землю, а потом не могли их найти вновь, или они не выдерживали столь жестких условий хранения. Минжамал Курбанова 1926 г.р. в деревне Усть-Турка также вспомнила об арестованном Тавыеве Салахи, брате ее матери. Она утверждает, что хотя он не имел религиозного образования и не был муллой, был причастен к молитвенным собраниям. После ареста он вернулся в родную деревню, затем жил в деревне Красный Берег Кунгурского района, где и умер позднее (Интервью с Курбановой М., 1926 г.р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Про Тавыева Салахи Губайдуллина Гузамия рассказала: «Салахи-бабай вернулся и умер в деревне Красный Берег, он тоже был арестован. Ахматнур-бабая тоже забирали, он вернулся и тоже умер в деревне Красный Берег, Казыханов Ахматнур» (Интервью с Губайдуллиной Г. 1937 г.р. Записано в деревне Липовка Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

К Казыханову Гадылше, вернувшемуся из заключения, снова в 1956 году пришел какой-то татарин из Москвы, возможно провокатор, и предложил почитать молитвы. Он ответил: «Я сейчас не читаю молитвы, отсидел за это» (Интервью с Гариповым М.С. 1953 г.р. Записано в деревне Маринкино Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). Нам сейчас трудно предполагать, был ли это провокатор, но отметим, что изоляция как способ адаптации к травме проявляется и в этом факте. Люди, наученные предыдущим травмирующим опытом, становятся закрытыми. Процесс формирования новой идентичности приводил к следованию двойной морали: в обществе – одна система ценностей, в кругу единомышленников – другая.

Судьбы арестованных и осужденных в Баташах, Маринкино и Усть-Турке сложились по-разному.

Вернувшиеся из ГУЛАГа мюриды (и ишаны) в деревнях Усть-Турка, Баташи, Маринкино продолжали свои ритуальные молитвенные встречи. Казыханов Гадылша вернулся из заключения в 1954 или 1956 году и умер в 1967 или 1968 году. Ахтямова (Гадылшина) Наиля 1945 г.р. рассказала о нем – своем деде, отце ее матери Фатимы: «Когда он из тюрьмы вернулся, я пошла в школу в 1951 году. Когда он вернулся, жил в Маринкино... Муллой был, говорили, что ишан-мулла, раньше говорили... Он угадывал мысли, у другого человека мог мысли читать, так мама говорила. Мама говорила, что при нем нельзя много думать, он мысли понимает... Он скот держал в деревне, жены были у него: Минауфа, потом Насима. Когда сидел, была Минауфа, когда она умерла, он женился на Насиме, они все умерли. Жил в Маринкино и немного в деревне Усть-Турка. Арестовали его за то, что был муллой... А умер он в 1967 году в деревне Маринкино в своем доме. И после тюрьмы молитвы читал. Люди его звали, но много не ходил, со стариками собирались и читали намаз, это они умели. Приходили друзья его, они умерли уже. Из деревни Шишмары дед Ахматзян был, мулла, Миннагул-бабай приходил. Из деревни на них до-

нос был о том, как они молились. В заключении над ними издевались, маме дед рассказывал, в горячую печь их совали. Кто на них донос написал, я не знаю, маленькой была – 3 года» (Интервью с Ахтямовой (Гадылшиной) Н., 1945 г.р. Записано в деревне Бырма Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

Казыханов Гадылша был веселым человеком, очень любил детей, когда встречал их, то играл с ними (Интервью с Гариповым М.С. 1953 г.р. Записано в деревне Маринкино Ординского района Пермского края 07. 01.2014 / Личный архив автора). Про Казыханова Гадылшу Мугалимова Закия рассказала, что именно он считался ишаном в окрестных деревнях, занимался целительством, заговаривал болезни, и Зайнуллин Садык тоже мог заговаривать болезни (Интервью с Мугалимовой З. 1918 г.р. Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). По ее воспоминаниям,

Казыханов Гадылши [9]

Зайнуллина Садыка считали деревенским сумасшедшим: «Его называли дивана, Садык-дивана. Странности, наверное, были у него. Крикнет: “Алла-Ху”, – какая-то энергия появляется, веселый он был, интересный» (Интервью с Мугалимовой З. 1918 г.р., Записано в деревне Усть-Турка Кунгурского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора). Такое восприятие людьми человека, находящегося в состоянии экстатического опьянения, скорее всего, и является указанием на его принадлежность к суфизму, пребывание в состоянии измененного молитвой сознания.

Действительно, после пыток, пережитых в заключении, продолжение молитвенных практик по возвращении из ГУЛАГа воспринимается как особое мужество. Здесь мы видим проявление приверженности, которая характерна для людей, полагающихся на «Высшую силу», придающую жизни определенный смысл. Объединение же людей со сходной системой ценностей усиливало приверженность и поддерживало убежденность, веру. Н. Адлер подчеркивает возможность поддержки «смысла жизни в контексте группы и ее системы убеждений» [14, с. 74].

Отмечая качества ишанов или мюридов, многие респонденты подчеркивали особую прозорливость, понимание психологического состояния людей, называя это способностью читать мысли.

Наиля Ахтямова рассказала далее: «Мама говорила про деда, что он из тюрьмы вернулся ишан-муллой, он сидел с туркменами. В тюрьме он был где-то на стекольном заводе, недалеко, в Пермском крае. Где стекло варили, может, в Сылве. Он вернулся в 1951-м, три года отсидел. Когда вернулся, ноги болели, едва ходил и худой был. Когда люди болели, он им помогал... Мама говорила, [болезни] заговаривал, молитвы читал на соль, и говорил, куда прикладывать, на больное место. После его возвращения Ахматзян-мулла, Зайнуллин Садык приходили, вот они втроем молились, еще Гульшарифа-аби из деревни Усть-Турка приходила, это рядом с Маринкино. Из Кунгура Гакаша-бабай приходил, молились вместе. А дедушка Казыханов Гадылша учился вроде в Таныпе. Мама сама научилась читать, ей дедушка сказал: “Кому ты веришь? Мы – муллы, и ты должна уметь читать”. Но читала мама

не на арабском, училась латинице» (Интервью с Ахтямовой (Гадылшиной) Н. 1945 г.р. Записано в деревне Бырма Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора). Сохранение традиционной книжной культуры становится в 1930–1940-е годы только семейным делом, причем опасным. Именно этим объясняется стремительное падение общего уровня культуры мусульман в советскую эпоху, прерывание многих традиций, в том числе ишанистских.

Арестован был также брат Казыханова Гадылши – Казыханов Ахматнур. Его дочь Хасанова (Ахматнурова) Танзиля Ахматнуровна 1928 г.р. в деревне Красный Берег, рассказывает о своем отце: «Отец был колхозником, переселился из Маринкино в деревню Красный Берег, которая образовалась в 1924 году, я здесь родилась. Отец сам учился дома, книги на арабском читал, все книги забрали, когда арестовали. Вернулся он в год, когда Назим родился, в 1955 году. Его отпустили, после того как 7 лет отсидел. Судили его, сказав, что мулла, и со всеми вместе муллами арестовали, из деревни их было несколько: Тавыев Салахи из Красного Берега, а Закиров Шакир из Липовки там умер. Отец Казыханов Ахматнур сидел где-то в Березниках или в Соликамске. Муж Хасанов Нагим съездил за отцом, он был очень слабый, после возвращения умер через девять месяцев. Его там парализовало» (Интервью с Хасановой Т.А. 1928 г.р. записано в деревне Красный Берег Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

Зайнуллин Садык [9]

Зайнуллин Садык сидел в Караганде с уголовниками, ему дали 10 лет, он вышел в 1954–1956 году. Просидел 6–8 лет, строил Карагандинский горно-обогатительный комбинат, вернулся из заключения и умер в сентябре 1973 года. Миргалим Гарипов знает об этом по рассказам своей матери Каримы Гарифулловны Гариповой 1913 г.р. Он помнит, как в 1960-е годы в доме Зайнуллина Садыка молились с двух часов каждый день с бабушками, еще бывал Казыханов Гадылша (Интервью с Гариповым М.С., 1953 г.р. Записано в деревне Маринкино Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Верность своим взглядам у этих людей была сильнее страха за свою судьбу даже после пребывания в сталинских лагерях. Таким образом, восстанавливалась та система ценностей, которая была избрана многими адептами ишанизма еще на заре своей жизни, в до-революционную эпоху.

Дочь муллы Нуртдинова Нуруллы, Майра-аби 1934 г.р. рассказала, что ее дед работал во время войны бригадиром, выполнял функции муллы в Бырме, умер в 1970–1971 году, когда ему было больше 90 лет (Интервью с Майра-аби 1934 г.р. Записано в деревне Баташи Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора). Она отмечает, что учился он в Усть-Турке, а в 1960-е годы в Маринкино общался с грамотными стариками – прежде всего с Казыхановым Гадылшой и Зайнуллиным Садыком. Она помнит, что «тех, что были очень грамотные, репрессировали – маринкинских, баташинских, из Красного Берега – они там умерли <в заключении>» (Интервью с Майра-аби 1934 г.р. Записано в деревне Баташи Кунгурского района Пермского края 18.01.2014 / Личный архив автора).

Н. Адлер, сравнивая коммунистические идеи и религиозные верования, находит между ними много общего. Она отмечает, что «ГУЛАГ ...воссоздавал экзистенциальные условия, для которых религии исторически предлагали решения <...> Людям приходилось терпеть непредсказуемые и неуправляемые катастрофы, защититься от которых было выше человеческих сил. Религии предоставляли средство от этого, предлагая доступ к сверхъестественной силе, которая придает значение и смысл безопасности, основанной на вере и подчинении» [14, с. 80].

Не случайно потомки арестованных в 1948 году повествуют о том, что религиозные обряды (имянаречение, похороны), вернувшись из ГУЛАГа, они продолжали выполнять, даже не являясь муллами. Например, внук Зайнуллина Садыка, Бакиев Рафис 1953 г.р. рассказывает: «Дедушка был большой мулла, ходил по домам, читал молитвы, люди говорили, что он главный мулла. Нет, он никого не учил, а если кто-то умирал, его звали, он – большой мулла был. Его судили, и он сидел в тюрьме. Документов от него никаких не осталось» (Интервью с Бакиевым Р. 1953 г.р. Записано в деревне Маринкино Ординского района Пермского края 07.01.2014 / Личный архив автора).

Записанные в 2011–2018 годах устные рассказы позволяют сделать множество выводов, воспроизводя реалии атеистической советской эпохи и ее отражение в судьбах людей. Но их ценность состоит еще в том, что позволяет увидеть, как влияла на общество трагедия репрессий. Создание новой идентичности «строителя коммунизма» – атеиста можно рассматривать как успех советской пропагандистской системы, с одной стороны, а с другой – как важное свидетельство адаптации личности к складывавшимся реалиям антигуманного государства.

Аресты 1948 года, хотя и подорвали религиозные устои населения, но не искоренили полностью воспоминания об ишанизме и наиболее влиятельных его деятелях. Об этом свидетельствует сохранение на протяжении нескольких десятков лет памяти о событиях, связанных с традиционными ценностями, с предками, их разделявшими. Имеются отдельные упоминания членов семей о принадлежности к ишанизму их предков. И на основании записанных устных рассказов можно предположить, что ишанами или мюридами были арестованный Казыханов Гадылша, Казыханов Ахматнур, Зайнуллин Садык и не арестованные Габдулхаков Хасан и Рахимзян-мулла. Впрочем, молодых последователей у пожилых суфиев Пермского края практически не было.

Способ ареста через провокатора, посланного властями, в 1948 году был показателен. Общество, напуганное Большим террором 1930-х годов, уже не было столь открытым, как раньше. И для того чтобы «выявить» людей с традиционным мировоззрением, органы безопасности прилагали всевозможные усилия. Возможно, в деревнях Аклуши и Бичурино Бардымского района и в близлежащих деревнях Усть-Турка, Маринкино, Карьево, Красный Берег, Липовка, Баташи на стыке Ординского и Кунгурского районов свою задачу выполнял один и тот же человек. Использование провокатора свидетельствует о том, что произошла адаптация общества к условиям жизни под страхом репрессий. Чтобы обнаружить людей с недозволенной государством системой ценностей, нужно было «заслужить их доверие», проявить свою причастность к традиционной духовности. Люди, прошедшие войну, на фронте понимали, где враг. В данном случае враг выступал под личиной «своего». Это разрушало взаимоотношения людей, приводило к атомизации общества.

Молитвенные практики вернувшихся из ГУЛАГа, возможно, укрепились после сталинских лагерей. Но отметим, что воспоминания окружающих об их собраниях относятся не к 1950-м, а к 1960-м годам. Когда общий климат в советском обществе смягчился, небольшая

группа ишанов-мюридов продолжала свои практики в 1960-е годы в деревне Маринкино, собираясь ежедневно.

Атеистическая пропаганда и аресты уважаемых и образованных лидеров мусульманского сообщества формировали у населения представление о том, что молиться и соблюдать традиционные обряды – опасно. Секуляризацию сознания можно рассматривать как стратегию выживания.

Большая часть мусульманского населения об этих событиях не имеет никакого представления. Иное дело – члены семей арестованных и старожилы деревень, в которых аресты происходили. Именно их воспоминания и позволили узнать о судьбах арестованных и жизни тех, кто выжил в ГУЛАГе. У некоторых потомков арестованных существует позиция отрицания как защитный механизм, выражающийся в нежелании признавать какие-то «опасные» явления, которые могут бросить тень на честных людей. И неважно в данном случае, что ишаны и мюриды были наиболее уважаемыми людьми в дореволюционной мусульманской умме, сам факт предполагаемого нонконформизма по отношению к власти может до сих пор пугать родственников.

Сдвиг идентичности привел к потере прежних ориентиров духовности и уклада повседневной жизни, в результате чего древнейшая мистическая традиция мусульман Пермского края практически пресеклась в результате травмы репрессий 1948 года. Собственный тип

региональной конфессиональной идентичности мусульманского населения Пермского края с компонентом ишанизма ушел в прошлое. Следствием же размытия традиционной идентичности стало разрушение культурного кода и усиление маргинализации общества. Представления об ишанизме стерты из памяти большинства рядовых мусульман. Об ишанах и мюридах помнят лишь некоторые их потомки. Возвращение к прежним ценностным ориентациям происходит в результате преодоления негативного опыта на основе исторической памяти общества.

Запись устных исторических интервью об арестованных суфиях в южных районах Пермского края обострила интерес местного населения к прошлому, проявила желание почтить память людей, составлявших цвет мусульманской духовности. Так, в деревне Сюзянь Бардымского района была установлена мемориальная доска в память о Мукминове Мансуре, арестованном в 1948 году и не вернувшемся из ГУЛАГа.

Мемориальная доска, установленная в д. Сюзянь на стене мечети

Список литературы

1. Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг: сб. документов и материалов. – Пермь: Пушка, 2004. – 560 с.
2. Сызранов А.В. Новые отечественные исследования по истории суфизма в Поволжье в XX в. // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2014. – № 19. – С. 154–164.

3. Сибгатуллина А.Т. Ишанизм // Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь. – М.: ИД «Медина», 2013. – С. 144–145.
4. Юнусова А.Б. Ишанизм на Урале: духовная традиция и проблема возрождения интеллектуального ислама // Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России: сб. докл. VI Всерос. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2017. – С. 170–180.
5. Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение: моногр. / под ред. О.Н. Сеньюткиной; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. – М.: ИД «Медина», 2013. – С. 214.
6. Селянинова Г.Д. Дело «антисоветской организации ишанизма» 1948 года // Права человека в России: прошлое и настоящее: сб. докл. и материалов науч.-практ. конф. – Пермь: Звезда, 1999. – 256 с. – С. 72–79.
7. Селянинова Г.Д. В поисках последователей Зайнуллы Расулева: изучение ишанизма в Пермском крае в XX в. на основе устных исторических источников // Ислам в современном мире. – 2017. – № 3. – С. 159–170.
8. Селянинова Г.Д. Круг чтения последователей ишанизма в Пермском крае в середине XX века // Технологос. – 2019. – № 1. – С. 71–84.
9. Следственное дело «Антисоветской организации ишанизма» // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Дд. 26393, 126393.
10. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое лит. обозрение, 2014. – 328 с.
11. Альгар Х. Последний великий накшбандийский шейх Волго-Уральского региона [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/religion/islam/tatarstan/i_sheih.htm.
12. Хирш М. Что такое постпамять [Электронный ресурс]. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287>.
13. «Я действительно считаю, что личный опыт может служить лабораторией для исследований и теоретических рассуждений». Интервью с М. Хирш // Историческая экспертиза. – 2018. – № 3. – С. 11–19. – С. 18.
14. Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа. – М.: РОССПЭН, 2013. – 262 с.

References

1. Politicheskie repressii v Prikam'e [Political repression in the Kama region]. 1918 – 1980 gg: *Sbornik dokumentov i materialov*. Perm': «Pushka», 2004, 560 p.
2. Syzranov A.V. Novye otechestvennye issledovaniia po istorii sufizma v Povolzh'e v XX v. [New domestic studies on the history of Sufism in the Volga region in the XX century]. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2014, no. 19, pp. 154-164.
3. Sibgatullina A. T. Ishanizm [Ishanism]. *Islam v Povolzh'e: entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Medina, 2013, pp. 144-145.
4. Iunusova A.B. Ishanizm na Urale: dukhovnaia traditciia i problema vozrozhdeniia intellektual'nogo islama [Ishanism in the Urals: a spiritual tradition and the problem of the revival of intellectual Islam]. *Rasulevskie chteniia: islam v istorii i sovremennoi zhizni Rossii. Sbornik dokladov*. 2017, pp. 170-180.
5. Guseva Iu. N. Ishanizm kak sufiiskaia traditciia Srednei Volgi v XX veke: formy, smysly, znachenie: Monografiia [Ishanism as a Sufi tradition of the Middle Volga in the XX century: forms, meanings, meaning: Monograph]. Eds. O. N. Seniutkina, D. V. Muhetdinov. Moscow, Medina, 2013, 214 p.
6. Selyaninova G.D. Delo «antisovetskoi organizatscii ishanizma» 1948 goda [The Case of the "Anti-Soviet Organization of Ishanism" of 1948] *Prava cheloveka v Rossii: proshloe i nastoiashchee: Sbornik dokladov i materialov Scientific and Practical Conference*. Perm': Zvezda, 1999, pp. 72-79.
7. Selyaninova G.D. V poiskakh posledovatelei Zainully Rasuleva: izuchenie ishanizma v Permskom krae v XX v. na osnove ustnykh istoricheskikh istochnikov [In search of followers of Zaynulla Rasuleva: the study of ishanism in the Perm region in the twentieth century. based on oral historical sources]. *Islam v sovremennom mire*, 2017, no.3, pp. 159-170.

8. Selyaninova G.D. Krug chteniia posledovatelei ishanizma v Permskom krae v seredine XX veka [Reading circle of the followers of ishanism in Perm region in the middle of XXth century]. *Technologos*, 2019, no. 1, pp. 71-84.
9. Sledstvennoe delo «Antisovetskoi organizatsii ishanizma» [Investigation of the "Anti-Soviet Organization of Ishanism"]. *PermGASPI (Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii)*, f. 643/2, op. 1, dd. 26393, 126393.
10. Assman A. Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaiia politika [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p.
11. Algar H. Poslednii velikii nakshbandiiskii sheikh Volgo-Ural'skogo regiona [The Last Great Naqshbandi Sheikh of the Volga-Ural Region], available at: http://www.kcn.ru/tat_ru/religion/islam/tatarstan/i_sheih.htm (accessed 20 March 2019).
12. Hirsh M. Chto takoe postpamiat' [What is post-memory], available at: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (accessed 20 March 2019).
13. "Ia deistvitel'no schitaiu, chto lichnyi opyt mozhet sluzhit' laboratorii dlia issledovaniia i teoreticheskikh rassuzhdenii". Interv'iu s M. Hirsh ["I really believe that personal experience can serve as a laboratory for research and theoretical reasoning." Interview with M. Hirsch]. *Istoricheskaiia ekspertiza*, 2018, no. 3, pp. 11-19.
14. Adler N. Sohraniiaia vernost' partii. Kommunisty vozvrashchaiutsia iz GULAGa [Loyal to the party. The communists are returning from the Gulag]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2013, 262 p.